

18+

Константин Козин

Хороший мастер

Константин Козин

Хороший мастер

<https://litres.ru/74149953>

ISBN 9785007004398

Аннотация

Семен Маслов — хороший мастер: не орет, прикрывает своих, молчит, когда надо спорить, и давно спит на кухонном диване, чтобы в доме было тише. Всю жизнь за него решали другие — бабушка, мать, жена, начальство. Но однажды ему подсовывают чужую вину и требуют просто поставить подпись. В ту же ночь Семен понимает, что больше не может жить как удобный человек. Это роман о мужской усталости, семейной тишине, которая страшнее скандала, о позднем взрослении и о праве наконец выбрать себя.

Содержание

Часть 1. Замес	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	27
Глава 5	35
Часть 2. Брожение	41
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Хороший мастер

Константин Козин

© Константин Козин, 2026

ISBN 978-5-0070-0439-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Замес

Глава 1

А могла бы моя жизнь сложиться иначе? Могло бы все повернуться по-другому?

Я теперь часто об этом думаю, особенно под утро, когда не спится. Лежу на кухонном диване, смотрю в темноту и перебираю в голове, где оно все началось. Не то чтобы один какой-то день меня сюда привел. Нет. Таких дней было много. Просто теперь они выстроились в цепочку, и, если смотреть назад честно, удивляться уже нечему.

Помню, как сидел вот так же и ждал, когда пора будет идти к хлебзаводу встречать бабушку с проходной. Опаздывать было нельзя. Попробуй только — сразу по ушам схлопочешь. Рука у нее была быстрая.

Она выходила ровно в девятнадцать ноль-ноль. Шла тяжело, с той особенной походкой, когда вроде человек просто уставший после смены, а вроде и еще что-то тащит на себе. Все понимали и делали вид, что ничего не происходит. Отойдя чуть в сторону от проходной, бабушка уже не скрывалась: задирала подол юбки, распускала на ногах вынос и доставала, что пронесла с завода. То пару кило теста, то куски маргарина, то сыр, то бутылку ликера, который шел на

пропитку коржей.

Я старался не смотреть. Сердце колотилось, как у зайца. Не от беге — от стыда. Хотелось зажмуриться и провалиться под землю, особенно когда мимо шли люди и невольно косились на нас. Мне стыдно было даже не столько за сам вынос, сколько за то, что все вокруг знают: мы ворует, и это считается почти нормальным.

Но у бабушки и у всех на хлебзаводе был на этот счет свой взгляд. Если у государства не стащил — считай, зря прожил.

— Сейчас беги к дыре. Там тебя дед ждет. Он тебе пакет передаст. Беги.

Бабушка была женщина властная. Если не послушаешь — не только проклянет, но и затрещину отвесит сразу, не откладывая.

Я стоял у забора и до сих пор помню это чувство. Все знали про ту дыру. Через нее передавали вынос. Все знали — вплоть до директора, — но никто не спешил ее заделывать. А я стоял и чувствовал себя вором. Люди ходят мимо, косятся. У тебя от стыда уже живот сводит, и думаешь только: да провались этот хлеб. Мы из него дома уже все, что можно, переделали. И сухари у нас всегда лежали, и квас стоял перебродивший, и запеканки из вчерашнего батона, и гренки, и черт знает что еще.

Потом из дыры показывался дед. Иногда уже пьяный. Высовывал сумку, проталкивал ее наружу, а ты брал и бежал, красный, будто это тебя самого поймали.

С тех пор прошло двадцать пять лет, а дыра в заборе все там же.

И даже я, работая теперь мастером четвертой смены, ничего не могу с ней сделать. Как таскал я когда-то через эту дыру хлеб, так и сейчас тащат все подряд. Я и сам ловил людей за руку. Но дальше выговора дело не шло. Стоят, глаза опускают, сделают виноватое лицо, говорят: «Больше не повторится». И через неделю повторяется.

Иногда мне кажется: не в заборе там дыра, а во всей нашей жизни.

А ведь могло же сложиться иначе. Если бы бабушка не настояла, чтобы я устроился на хлебзавод.

После колледжа я вообще-то хотел идти в кондитеры по-настоящему. Не в заводские, где сгущенка, маргарин и экономия на всем, а в нормальные. Я мечтал делать торты, как во французских булочных. У меня неплохо получалось. На преддипломной я сделал «Наполеон» по бабушкиному рецепту, только с настоящим заварным кремом — патисьером. Не той сладкой мазней, что сейчас везде пихают, а нормальным кремом, как положено.

Стажировку я проходил в кондитерской у одного человека, которого потом узнала вся страна. Теперь у него лицо по телевизору мелькает, книги, интервью, мастер-классы. А тогда он еще не был таким знаменитым. И иной раз думаешь: а вдруг и мое лицо могло бы сейчас где-то мелькать? Не потому, что я лучше него. Нет. Но жизнь-то могла и по другой

колее пойти.

Только после армии бабушка сказала, что нечего шаро-хаться без работы.

— А дальше делай что хочешь. Сейчас-то тебе куда? Я уже с мастером договорилась. Место тепленькое.

Мама тогда ее поддержала:

— Правда, Степ. Что ты будешь бегать по кафе? Тут ста-бильность как-никак. Проявишь себя — начальником цеха станешь. А там, глядишь, и директором.

Начальником цеха я не стал. Если уж честно — выше ма-стера и не поднялся. Устроился на время, да так и остался насовсем. Как будто кто-то за меня решил, а я не спорил.

Бабушка, уже сидя на пенсии, мной гордилась. Говорила, чтобы я не зазнавался и оставался хорошим человеком. Дед к тому времени умер — официально инфаркт, а по разговорам просто допился. Потом и бабушки не стало. Начальником цеха она меня так и не увидела. Может, и к лучшему. Может, и сама понимала, что не стану.

Сейчас пять утра. Я не сплю. В голову лезет всякая глупость из серии «а вот если бы». Хотя какая там глупость. Если бы я тогда не остался на заводе, я и человеком, наверное, был бы другим. Может, более наглым. Может, более живым. Может, таким же нелепым и громким, как тот телевизион-ный кондитер, который улыбается на камеру и ведет себя так, будто весь мир ему что-то должен.

Но я не такой. Я добрый.

Или, как говорят у нас в цеху, хороший мастер.

Для теток, может, я и правда хороший. Если надо, прикрою. Где-то промолчу. Где-то глаза закрою, если кто-то что-то тащит. Бабушкин завет, выходит, живет и во мне тоже. Сергей Александрович орет, штрафует, грозит, а я все равно не могу иначе. Или не хочу. Или просто привык.

Скоро вставать, а мне так не хочется покидать свой угол. Свое маленькое царство на кухне, где нет Вариного нервного ерзанья рядом. Если шевельнешься ночью, если захрапишь, если просто ляжешь не так, потом неделю будешь слушать ее ворчание.

Наверное, правильно я в свое время и сделал, что ушел спать на диван.

Мне тут и правда лучше.

Раз в пару месяцев, конечно, делаю вылазку к Варе в кровать. Этого вроде как хватает. Не всегда. Точнее, почти никогда. Хотелось бы иначе. Ближе. Нормально. По-человечески.

Но и так сойдет.

Наверное.

Глава 2

Хотелось бы начинать наши утра — спокойно, с кофе и какими-нибудь человеческими словами. Но как только просыпаются Варя и Ксюха, в доме начинается галдеж, мат и хлопанье дверями.

Пашка встает раньше всех и сразу занимает туалет, потому что знает: потом туда уже не попадешь. Я к этому времени успеваю убрать постель в диван, умыться, поставить чайник и сделать себе с Варей кофе. На завтрак готовлю бутерброды или круассаны — хлеба поменьше, начинки побольше.

Жить на кухне, если честно, местами даже удобно. Холодильник рядом. Если ночью придавит жор, далеко идти не надо. Плохо только, что живот уже полез. Хоть замок на холодильник вешай. Правда, от Ксюхи он бы тоже не спас. Она в последнее время повадилась заедать свои подростковые беды. Ей тринадцать, а драм уже как у взрослой бабы: то парень не так посмотрел, то подружка что-то выложила, то у нее видео в тиктоке не добрали просмотров.

Я как-то попробовал с ней поговорить про парней. И про то, что не всем словам надо верить, и что потом могут быть последствия. Даже до контрацепции дошел. Она только цыкнула, глаза закатила и ушла к себе. После этого я решил с воспитательной частью не частить.

— Павлин! Ты там скоро? Что, веревку проглотил? —

орет Ксюха, долбясь в дверь туалета.

— Отстань! — доносится изнутри.

— Твое время вышло! Вылезай давай. И поппикать не забудь!

— Отвали!

Обычно я стараюсь в детские разборки не лезть. Уже не маленькие. Пускай сами учатся. В детстве я еще пытался их сдружить, но у них никогда не получалось. Как кошка с собакой. И мир их не брал.

— Дай парню в туалет сходить, — говорю я.

— А что он там делает с телефоном каждое утро? — Ксюха закатывает глаза и плюхается на мой диван. — У него своя комната есть для этих дел.

— Не носи чепуху, — перебиваю я. — Завтракать будешь?

— А что у тебя?

— Круассан с творожным сыром и рыбой. И чай.

— Ну давай.

Когда-то я пытался усаживать всех за стол по утрам. Хотел, чтобы завтракали вместе, как нормальная семья. Не вышло. У нас это не прижилось. А жаль. У нас дома когда-то было иначе. Я, Леха, мама, батя. Сидели, жевали, кто куда собирается, о чем-то говорили. А тут все разбегаются по своим углам и жуют на ходу.

Когда Варя заходит на кухню, лучше сначала помолчать и посмотреть ей в лицо. Сразу становится ясно: можно с ней утром разговаривать или не стоит. Точнее, не стоит почти

никогда. Но иногда попадаютсЯ редкие дни, когда она хотя бы не рычит с порога.

Она зашла, взяла кофе и встала у стола.

— Круассан? — осторожно спросил я.

— Не знаю.

— Когда узнаешь, левый твой. Без огурцов.

— Дай мне кофе попить в спокойствии.

В этот момент дверь туалета открылась, и вышел Пашка.

— Руки мыть! — крикнула Варя.

— Попшикал там? — добавила Ксюха.

— Паш, садись потом есть, — сказал я.

— Дайте хоть руки помыть. Сейчас приду.

Ксюха тут же вскочила и пошла в туалет. Через секунду оттуда уже понеслось — про то, что воняет, что он сидит по полчаса, что жить с ним невозможно. И ведь уже не про туалет было. Просто нашла, на кого с утра свалить злость. Пашка хоть и старше ее на три года, а отпор ей словесный дать не умеет. Она его чехвостит, а он только буркнет что-нибудь и в сторону.

Мне парня даже жалко стало. Я подошел к ней, положил руку на плечо.

— Может, успокоишься уже?

Она глянула на меня так, будто я вообще не имею права ее трогать. Видно было: хочет послать. Но все-таки понимает, что я отец. И потому вместо этого только дергается вся и губы поджимает.

И тут Варя как рывкнет:

— Да еб твою мать, почему тут огурцы?

Я обернулся.

— В смысле?

— В прямом! Мы сколько лет живем, ты не знаешь, что я огурцы не ем? Или ты назло это делаешь?

И только тут я понял, что пока ставил чашки, развернул тарелку. Мой левый круассан стал для нее правым. Пустяк. В нормальном доме из такого даже разговор бы не начался.

— Я же сказал: без огурцов твой.

— Тогда, может, мне компас к завтраку подавать? — огрызнулась она. — Или подписывать, где лево, где право?

Вот тут бы мне замолчать. Я же знаю, с кем живу. Но иногда во мне вдруг просыпается то ли чувство достоинства, то ли полное отсутствие самосохранения, и я лезу в спор, который заранее проигран.

— А что мне делать? В красную тарелку тебе класть, чтоб выделять?

И все. После этого ее уже было не остановить.

Она пошла на меня, как огонь по сухому.

— Ты совсем уже тупой стал?

— Не ори с утра.

— А ты не делай из меня дуру!

— Я тебя не делаю, ты сама...

И я уже понимал, что все. Соседи, наверное, еще спят, а мы уже на весь подъезд. И из-за чего? Из-за сраного огурца.

Варя схватила круассан и швырнула в мусорку.

Я даже дернулся.

Мне его почему-то так жалко стало. Я ж туда рыбы побольше положил. Потом кружка полетела в раковину. Разбилась.

И вот в этот момент у меня внутри тоже что-то треснуло.

Я сел на диван и уставился в сторону мусорки.

Из-за какого-то пустяка опять началась срачка. И я опять сам в нее влез. Сам же знаю, с кем живу. Сам же каждый раз говорю себе: молчи, Сема, молчи. А потом все равно что-нибудь да ляпну.

И после каждой такой сцены на меня накатывает одно и то же. Вина. Усталость. Мысли, правильно ли я вообще живу и зачем все это тяну. И если делать выбор, то какой? А выбор — это всегда больно. Потому что одно выберешь, другое потеряешь.

— Пап, это мой бутер?

Я поднял глаза на Пашку.

Стоит этот доходяга, худой, сутулый, и смотрит на тарелку. И в первую секунду так хочется рявкнуть: а не видно, что это последний? А если последний, значит, твой. Ты хоть иногда сам можешь до чего-то додуматься?

И тут же ловишь себя: нельзя на него срываться. Он-то тут при чем.

— Твой, — сказал я.

— Пап, можешь триста рублей дать?

— На сигареты? — спросил я.

— Нет, — сразу напрягся он. — На обед.

— А я в твоё время на сигареты тратил, — сказал я. —

Хотя, по тебе не видно, что ты вообще хоть что-то ешь.

— Да ем я.

— Ну и как там в колледже?

— Нормально.

— Чему вас хоть учат? Ковыряться уже в движках дают?

Машину починить мне сможешь?

— Учат.

— Нравится?

— Нравится.

Я, если честно, не очень ему поверил. Мне все казалось, что это не его, а Варя просто решила сделать из него мужика, и он не смог отбиться. Но, может, я и тут ничего не понимал.

— Так что с деньгами? — спросил он.

— Иди уже. На карту скину.

— Спасибо, пап.

Он ушел.

А я остался на кухне — среди осколков, недопитого кофе и ощущения, что день толком ещё не начался, а мы уже друг друга вымотали.

Глава 3

Иногда, когда идешь на смену, приходится буквально переталкивать себя из шага в шаг. Ноги идут, а внутри все сопротивляется. Бывает, еще до проходной руки как будто пустиют, слабеют, и в груди начинается мелкая трясучка. Не паника даже, а какой-то внутренний озноб. Ты понимаешь, что это из-за работы, но в чем именно причина, сразу не скажешь. Потому что причина, если честно, во всем сразу.

Еще не дошел до завода, а тебя уже накрывает запахом. Бисквит, дрожжи, выпечка, сладкий жирный дух крема — все это годами так пропитало воздух вокруг, что от одного вдоха иногда делается мучительно. Для постороннего, может, и пахнет уютом — будто рядом пекарня и сейчас вынесут горячие булки. А для меня этот запах давно уже не про уют. Это как сигнал организму: готовься, сейчас начнется.

У проходной всегда одно и то же. Уходящая смена выползает наружу с этими своими усталыми улыбочками, и меня они почему-то особенно раздражают. Чему вы радуетесь? Тому, что домой идете? Или тому, что я пришел на ваше место? Иногда мне кажется, что люди видят во мне что-то такое, чего я сам стараюсь не замечать. Какой-то внутренний перекося. И улыбаются уже не мне, а ему.

Со мной все здороваются. Я киваю, иногда говорю: «Доброе утро», — но больше всего в эти минуты хочу просто

пройти мимо всех и ни с кем не пересекаться взглядом.

— Степаныч!

Я и по голосу узнал — Сергей Александрович, мастер второй смены. Человек скользкий, как только что вымытый противень. Глаза всегда с хитрецей, лицо гладкое, свежее, будто он не ночь на производстве отпахал, а спал всю ночь под одеялом. Иногда я смотрю на него и думаю: у него щеки скоро треснут — то ли от важности, то ли от крема, то ли от тех мелких выгод, которые он с людей снимает.

— Степаныч, выручай, — заговорил он еще до того, как подошел вплотную. — Мои бабулеты не успели пятьдесят «Праг» собрать. Может, вы добьете? Прошу по-человечески. А я тебе в следующий раз подсоблю.

Подсобит он.

Я за все время не помню ни одного случая, чтобы Сергей Александрович реально мне подсобил. У него на каждую просьбу находится или шутка, или отговорка, или виноватая тетка, которая «не дотянула». А вот просить самому ему надо все чаще. План у него вечно не сходится, сроки плывут, дисциплина на соплях, но виноват всегда кто угодно, только не он.

— Помогу, — сказал я тихо. — Но это в последний раз.

Я даже не посмотрел ему в глаза. Не потому, что боялся. Просто знал: посмотрю — увижу там эту наглую благодарность человека, который уже получил свое.

— Ясен красен, — засмеялся он. — Не повторится. Про-

сто мои затроили, коржи долго ждали, пока остынут, а тут уже конец смены, надо затереться, красиво сдать. Ты же у нас любишь, чтобы все по уму. Мы тебя уважаем, Степаныч, любим почти как сына.

Приемного, подумал я.

Я зашел в цех и сразу увидел, как они мне «красиво сдали». Под столом стояли ведра со сгущенкой, которые должны были уйти на склад. Заготовок на следующую смену почти не было. Дежа под крем не подготовлена. Маргарин из холодильника на разморозку никто не достал — значит, песочное тесто сдвинется минимум на час. Полы липкие, на одном столе ножи брошены как попало, на другом лопатки киснут в тазике с водой.

Все как обычно.

Сказать ему что-нибудь на это? А смысл? Я когда-то пытался. Объяснял, спорил, тыкал в нормы сдачи смены. Он каждый раз делал одно и то же: разводил руками, валил все на своих теток, обещал исправиться и уходил домой с легким лицом человека, который опять всех пережил. А я оставался.

И вот с этого у меня каждый раз начинается смена.

Самый тихий час — это когда моя бригада еще не пришла и я один с бумагами. Сижу, заполняю документы, смотрю заявки, сверяю объемы, считаю, прикидываю. В этот час мне почти спокойно. Здесь хотя бы все понятно: цифра, строчка, количество, время. Бумаги не ждут от меня, чтобы я был мужиком, начальником, громом и молнией. Им достаточно,

чтобы я не ошибался.

Потом начинают заходить мои тетки.

Я их всех знаю по именам-отчествам, всех до одной. И не просто знаю — я знаю, кого куда поставить, у кого сегодня спина ноет, кто после больничного, кто с кем в ссоре, кого лучше рядом не ставить, а кого, наоборот, можно, потому что они языками будут чесать, но работу не завалят.

Вот Ольга Васильевна — маленькая, кругленькая, ей тяжело лишний раз нагибаться, значит, ее на украшение, где можно стоять более-менее на месте. Светлана Николаевна — быстрая, заводная, с хорошими руками, ее на замесы. Любовь Викторовна еще при моей бабушке работала. Я ее помню с тех времен, когда сам под стол пешком ходил. Анну Анатольевну с Ириной Сергеевной лучше ставить рядом: наговорятся и при этом норму сделают. Алия Ахметовна, Сажида Раисовна, Махрипа Харипулаевна — у тех деревня всегда на первом месте. Как сезон начинается, так или больничные, или увольнение, а потом снова возвращаются. И еще целая россыпь остальных — всех не перечислишь, а я про каждую что-то знаю.

Их у меня под пятьдесят человек. Иногда думаю: я эту смену знаю лучше, чем собственную семью.

Они мне улыбаются, желают доброго утра, кто-то спрашивает про давление, кто-то про детей, кто-то приносит новости про чью-то сноху, племянника или цены на рынке. С виду — тепло. Даже уважительно. Но я не глухой и не дурак.

Я чувствую, что всерьез меня тут мало кто воспринимает. Не со зла даже. Просто атмосфера такая. Я для них хороший мастер. Удобный. Неопасный. На которого можно поворчать, можно поторговаться, можно опоздать, а потом построить лицо — и он, скорее всего, не разнесет цех к черту, а опять начнет все собирать руками.

Я встал перед ними с листами заявок.

— Всем доброе утро. Начинаем смену. Листы у всех есть, объемы такие: «Прага» — пятьсот пятьдесят...

— А почему пятьсот пятьдесят? — тут же перебила Светлана Николаевна. — У нас в листе пятьсот.

— Потому что вторая смена не доделала пятьдесят, — сказал я. — Мы закрываем их хвост.

Она посмотрела на меня так, как смотрят на человека, который опять принес всем лишнюю работу в кармане.

— А не проще на Сергея Александровича пожаловаться Льву Абрамовичу? Почему мы должны за них перерабатывать?

Она была права. Конечно, права. Я и сам это знал. И жаловался когда-то. Только разговор со Львом Абрамовичем — это отдельный вид наказания. Он будет полчаса рассказывать, как важно выполнять план, как все мы один коллектив, как надо относиться с пониманием к производственной необходимости, а в конце каким-то чудом виноватым все равно останусь я. Не Сергей Александрович, который не организовал смену, а я — потому что пришел с проблемой.

И проще было снова сказать:

— Давайте просто сделаем.

Вот так я обычно и управлял. Не решал проблему, а перетаскивал ее дальше на плечах своей смены.

Потом подтянулась молодежь. Я их по привычке тоже называю тетками, хотя какие они тетки — девчонки еще. Щеки горят, ресницы накрашены, волосы из-под шапочек выбиваются, духами несет поверх ванили и маргарина.

— Накурились? — спросил я. — Почему опаздываем?

— Извините, Семен Степанович, — протянула Алиса так, будто не извинялась, а заигрывала. — Мы на территорию вовремя зашли. Просто немного задержались.

— В курилке, — сказал я.

— Ну что вы. В раздевалке. Прихорашивались.

— Руки мыть и по рабочим местам.

Я и сам слышал, как ворчу себе под нос:

— Для кого тут прихорашиваться? Для грузчиков? Так за забором с ними и общайтесь.

— Для вас, между прочим, — тут же подхватила Алиса.

— Вы у нас тоже мужчинка.

Все засмеялись.

И вроде бы ничего такого. Шутка, игривость. Но меня всегда коробило это «мужчинка». Не мужчина. Не Семен Степанович даже. А так — что-то маленькое, смешное, почти домашнее. Существо, над которым можно безнаказанно похихикать.

Я сделал вид, что не заметил.

— Так, вы на безе. А где Самсонов, Легаев и Устиненко? Кто-нибудь видел их с утра?

Все промолчали.

Конечно, видели. Или догадывались. Но на производстве молчание — тоже часть технологии.

— Ладно. Начинаем.

И началось это привычное движение, в котором всегда есть что-то почти механическое и успокаивающее. Цех заводится не сразу, а слоями. Сначала лязг, потом шаги, потом стук посуды, потом чей-то смех, потом уже пошла работа: режут, мажут, мешают, переливают, взвешивают, носят, собирают. Если все идет как надо, в этом даже есть красота. Не та, которую видят покупатели в коробке с тортом, а своя, внутренняя: когда каждый стоит на своем месте и знает, что делать.

Вот это я и люблю. Не завод даже, а сам налаженный процесс. Когда объяснил один раз — и потом не переделываешь. Брак я ненавижу не потому, что начальство ругает, а потому, что девчонкам потом списывать, выкупать, оправдываться. Лучше я лишние пять минут постою рядом и покажу, как правильно, чем потом они будут смотреть на испорченный крем, как на свою личную вину.

Я пошел по цеху. Где-то подтер каплю сиропа, где-то соскреб тесто с пола, где-то сам взял метелку и смел крошку из-под стола. Меня всегда раздражала лишняя грязь, а от-

влекать людей от работы не хотелось. Проще самому. И, если честно, в этом было что-то почти медитативное: водишь скребком по плитке, собираешь липкую дрянь в одну кучу — и вроде внутри на минуту тоже становится чище.

Пока не пришла моя святая троица.

Я увидел их сразу: крадутся бочком, будто стены помогут спрятать запах перегара.

— Самсонов, Легаев, Устиненко! — окликнул я. — Почему опаздываем на смену?

Они остановились.

— Понимаете, Степаныч... — начал один.

— М-м...

— Семен Степанович, машина не завелась, — нашелся Леха. — Пришлось с Ленинского на бусике гнать.

От них несло так, что никакой бусик уже не имел значения. Там не то что за руль — там и на ногах-то стоять было опасно. Но молодые, что с них взять. Мы тоже когда-то были молодые. Тоже думали, что организм железный и работа никуда не денется. Только у них это что-то стало повторяться слишком часто.

— Давайте бегом работать, — сказал я. — Светлана Николаевна вас уже заждалась. Мука, сахар, яйца — все должно было давно быть на месте. Пока вы прохлаждались, бисквит сам себя не замесил.

— Есть, босс, — ухмыльнулся Костя.

Они уже почти развернулись, когда Леха задержался и

шагнул ко мне ближе. Слишком близко. Я это сразу почувствовал: как только человек заходит в личное пространство с такой мордой, жди просьбу, после которой сам себе противен.

— Семен Степанович, выручай.

— Что надо?

— У меня брат вчера из армии пришел. Мы вчера посидели... Короче, не буду мучить. Дай ликера, а? Чтоб поправиться. И мы будем летать. Честно. Сейчас по сто грамм — и начнется жара.

Я даже не сразу ответил.

— Ты себя слышишь? — спросил я. — На работе пить?

— Да все нормально будет, — заулыбался он. — Перекроем потом.

— Как это — перекроем?

— Ну как Сергей Саныч перекрывает, так и мы перекроем. Выручим производство.

Вот после таких фраз мне всегда становилось особенно мутно. Потому что они не из воздуха это брали. Они видели. Все видели. И как списывают, и как выносят, и как закрывают глаза, и как одно нарушение подпирает другое, чтобы все кое-как ехало дальше. Они не придумали систему — они просто в ней выросли.

Я посмотрел на них и уже знал, что скажу. Хотя мог бы отказать. Должен был отказать. Но в голове сразу пошла привычная цепочка: не дам — побегут через дырку, где-нибудь

достанут сами, потом будут шляться, искать, пропадут на полчаса, сорвут мне работу, а я опять буду собирать смену с дырявыми руками.

И еще, если честно, во мне всякий раз шевелилось что-то старое, домашнее: ну болеют же. Ну молодые. Ну дед тоже так бегал.

Я даже вдруг вспомнил, как дед в разгар смены срывался через ту самую дыру, если в винном в одиннадцать «выбрасывали» водку. Ломился, как на пожар. Потом возвращался красный, счастливый, будто не бутылку достал, а страну спас.

— Хорошо, — сказал я. — Но чтобы потом бутылку ликера мне принесли. Я сам доложу.

— Ну вот! — оживился Костя. — Вот это человек. От души, Степаныч.

Я посмотрел на них так, что любой другой, может, еще постеснялся бы.

Но они только заулыбались шире.

— Семен Степанович — лучший босс.

Лучший.

Я кивнул, будто мне было все равно.

А потом началась рутина. Та самая, в которой голова постепенно пустеет и остаются только движение, счет, крем, тесто, формы, накладные, время, люди. Работа, от которой меня подташнивало еще на подходе к проходной. И работа же, которая иногда единственная могла меня хоть немного

успокоить. Потому что в ней, если не думать лишнего, все-таки был порядок. Пусть фальшивый, временный, собранный на молчании, выносах, перегаре и моих уступках, — но порядок.

До следующего сбоя.

Глава 4

Когда мои тетки расходятся по домам в конце смены, вот тогда у меня и начинается настоящая работа. Не та, где надо бегать по цеху, затыкать дыры, следить за замесами, слушать жалобы, ловить опоздавших и делать вид, что все под контролем. Настоящая работа начинается потом — когда надо сидеть над таблицами, сверять приход и расход, заполнять акты, списания, ведомости и прочую бумажную дрянь, без которой, как выясняется, никакой торт не считается сделанным.

Вера Павловна, мастер первой смены, поначалу ворчала, что я занимаю ее место. Почти по-матерински гнала домой: — Ты чего еще здесь? Иди уже. У тебя семья.

Я каждый раз отвечал, что сейчас, вот только закончу, и оставался. Сначала она еще возмущалась, потом смирилась и стала молча давать мне лишний час, а то и два. Она была не дура и быстро поняла, что дело не в таблицах.

Во время смены я и правда много бегаю, много делаю сам, много отвлекаюсь на чужое. Но дело было не в том, что я плохой мастер и потому ничего не успеваю. А в том, что я нарочно растягивал день. Нарочно находил, чем еще заняться. Нарочно не спешил домой.

Проще приходить, когда все уже спят.

— Кофе? — спросила Вера Павловна, подсаживаясь ря-

дом.

— Не отказался бы.

Она поставила чашку возле клавиатуры и посмотрела на листки, где у меня среди накладных карандашом были набросаны корж, крем и какие-то проценты по выходу.

— Ты уже новый торт разрабатываешь?

— Да так, — сказал я. — В голове крутится.

Вера Павловна была из тех женщин, которых я уважал по-настоящему. Не потому, что она ко мне хорошо относилась. Хорошо относиться — у нас многие умеют, пока им что-то от тебя надо. Нет. Просто она была из породы крепких людей. Старше меня лет на пятнадцать, спокойная, суховатая, без лишних эмоций и без бабьей суеты. У нее бригада считалась лучшей на заводе, и не зря. Она умела руководить так, что все у нее работало без истерик и показухи.

Иногда я смотрел на нее и думал: почему она до сих пор здесь? Почему не пошла выше? У нее же была возможность занять место Льва Абрамовича. Все это знали. Но, может, она просто была умнее нас всех и понимала: чем выше поднимаешься на заводе, тем меньше там остается работы и больше — грязи. Только уже другой.

— Я думаю, тебе надо попробовать поучаствовать в разработке, — сказала она. — Сейчас как раз хотят новую линейку двигать. Если зайдет, премию дадут хорошую.

— Премия — это, конечно, хорошо, — сказал я. — Но роялти лучше.

Вера Павловна рассмеялась.

— Ты губу-то закатай. Какие тебе роялти? Будут они тут тебе процентики платить с каждого торта. Скажи спасибо, если премию не зажмут.

— А технологам же платят.

— Не сравнивай. Технологи на это учились. И потом, за все время только одному человеку тут что-то похожее на роялти и платили. И то давно, и там мутная история была. Чуть рецептуру подвинули, пару граммов туда-сюда — и все: уже не твой торт, а заводской. Ни имени, ни процентов. Семачка, это не наш полет. Тут больше такого не допустят.

— Очень жаль, — сказал я. — Очень.

И сам не заметил, как сказал вслух то, что обычно держал при себе:

— Устал я, Вера Павловна. Иногда хочется все это к чертям бросить.

Она даже не удивилась.

— Ну и чем бы занялся?

Я немного помолчал.

— Сначала месяца на три ушел бы в отпуск. Просто спал бы, ел и никого не видел. А потом, если бы были деньги, открыл бы свою маленькую кондитерскую. Не цех, не сеть, а нормальную. Чтобы пирожные делать, эклеры, тарталетки. Чтобы вкус был, а не тонна маргарина и сгущенки.

— Бросить работу каждый может, — сказала она. — А семью кто кормить будет?

Я усмехнулся.

— Ну да.

— А вот насчет кондитерской ты зря рукой машешь, — продолжила она. — У меня тут девочка работала год назад. Руку набивала, присматривалась. А потом ушла и стала дома торты под заказ делать. И очень даже прилично зарабатывает.

— С моей работой... — я тяжело выдохнул. — Это невозможно. Я после смены домой приползаю как мешок. Мне бы до дивана дойти.

— У тебя отпуск есть?

— Есть.

— Ну вот в отпуске и попробуй. Протестируй. Я же ела твои торты, когда вы в прошлый раз на новую линейку подавались. Да, тебя не выбрали, но твой торт...

— «Облака».

— Да. С крошеным беее и крем-чизом. Очень хороший был торт.

— Его посчитали дорогим и нерентабельным, — сказал я. — Хотя если бы изменить граммовку и выпускать не большим, а граммов по триста, то все бы сошлось. Но они и слушать не стали.

— Так приготовь его дома и попробуй продавать.

Я даже хмыкнул.

— Кому? Как?

— Господи, Семен. У тебя дети молодые. Они в своих соц-

сетях сидят с утра до ночи. Настроят тебе страницу, сфотографируют, выложат, придумают что-нибудь. Сейчас так многие и начинают.

Мне очень хотелось сказать ей: какие дети? какой дом? какая страница?

Очень хотелось сказать: Варя меня сожрет раньше, чем я первый корж в духовку поставлю.

Очень хотелось рассказать хоть кому-то свою подноготную. Не в деталях даже, а просто признаться: мне дома тесно. Не физически. По-другому. Как будто места для меня там давно не осталось.

Но я только кивнул.

Не надоедать же человеку своими проблемами. Да и вообще — чем меньше люди знают про твой дом, тем проще им считать тебя нормальным.

— Посмотрим, — сказал я. — Спасибо за совет.

— Да ладно, — сказала она и кивнула на компьютер. — Ты мне скоро место освободишь?

Я улыбнулся, и в эту секунду до меня дошло, что я, как дурак, на мгновение вообразил, будто она подсела не просто так, а из какого-то особенного человеческого участия. Будто кому-то всерьез есть до меня дело. Наивный.

У нее начиналась смена. Я просто засиделся на ее месте.

— Да-да, — сказал я. — Уже собираюсь.

В душевой я долго стоял под горячей водой и оттирал от себя завод. Сгущенку, патоку, капли шоколада, прилипшую

муку, кислый пот под формой. После смены кожа всегда казалась липкой, как будто работа въедалась не только в одежду, но и под нее.

Я мылся и думал, что хочется стать чище не только снаружи.

Отмыться бы от всей этой грязи. От всей этой боли.

Хотя я даже не мог толком сказать, от какой именно боли. Просто внутри все время что-то глодало. Не остро, не так, чтобы умереть хотелось. Хуже. Тихо. Постоянно. Как мышь в стене. И иногда от этого хотелось или зареветь, или заорать — просто чтобы звук из себя выпустить.

И в такие минуты я думал: почему я не могу вести себя как Сергей Александрович или как Вера Павловна? Они руководят. Они держат дистанцию. Они не подбегают к каждому столу, не хватаются за тряпку, не соскребают сами пролитую сгущенку с пола, не лезут руками туда, где грязно. У них работники. У меня — «мои тетки».

Хотя никакие они мне не тетки. И не родня. Они мои подчиненные.

Вот только я сам в это до конца не верю.

Почему я не могу стать для них настоящим начальником? Почему все время стараюсь быть хорошим, удобным, понятным? Может, потому что я и дома не могу быть никем настоящим? Ни хозяином, ни мужем, ни отцом толком. А может, я вообще никогда не был хозяином своей жизни. Меня все время куда-то толкали, уговаривали, устраивали, направля-

ли. Предлагали «как лучше». И я соглашался.

Отказать не мог.

Или не умел.

Когда я вообще перестал владеть собой? В детстве, когда слушал бабушку? В армии? После армии, когда меня просто определили на завод и я не стал спорить? Все дети кого-то слушают. Все солдаты подчиняются. Но почему именно я так и не научился выбирать сам? Почему меня всегда проще куда-то поставить, чем мне самому занять место?

А может, все так живут. Просто не думают об этом. А я думаю. Слишком много думаю. Как будто от мыслей что-то изменится.

Иногда мне кажется, что лучше бы я вообще не умел задавать себе вопросы. Жил бы — и жил. Работа, дом, зарплата, телевизор, отпуск раз в год. И никаких тебе мучений. Никаких тараканов, которые круглые сутки топчутся по мозгам.

Хотя, может, у всех такие тараканы. Просто мои особенно наглые. Как будто весь череп оккупировали.

Я медленно вытирался, смотрел на часы и понимал, что дома уже, наверное, все укладываются. И вдруг всерьез представил: а если бы я и правда начал дома печь торты на заказ?

Ну допустим.

Пашка был бы курьером. Ему, может, даже подошло бы. Тихий, аккуратный, коробку довезет, лишнего не скажет. Ксюха вела бы соцсети. Это она любит — фотографировать, через фильтры гонять, подписи лепить, музыку подбирать.

А Варя?..

Я даже усмехнулся.

А Варя что — не будет мешать?

Да нет. Варя не умеет не мешать. Она сразу полезет руководить. Скажет, что я засрал кухню. Что на этом копейки, а возни как с покойником. Что лучше бы я сидел на заводе — там стабильность. Что в моем возрасте уже поздно страдать херней. Что я опять придумал себе глупость вместо нормальной жизни.

Нет. Дома я бы не смог.

А если аренда?

Какая аренда? На какие деньги? Мы и так живем от зарплаты до зарплаты. По крайней мере, так говорит Варя. У нее все мои карточки. Все переводы. Все платежи. Все это ее бесконечное: «надо купить», «сейчас нет», «потом разберемся».

Иногда мне кажется, что у нее в руках не только мои деньги.

У нее в руках вся моя жизнь.

И даже яйца.

Если они у меня еще есть.

Глава 5

Я люблю заезжать к родителям.

Меня вообще тянет в места, где все было раньше. Не потому, что там было хорошо. Просто там все знакомо до боли: подъезд, запах лестницы, облупленная дверь, ковер в прихожей, телевизор, который орет слишком громко, будто старость тоже надо перекрикивать. Родители живут недалеко от завода, так что, если мне в ночь, я часто сначала заезжаю к ним, а потом уже еду на смену. И, может, еще потому, что там я хотя бы снова сын, а не муж, не отец и не человек, который всем что-то должен.

С пустыми руками я к ним не хожу никогда. И почти всегда в пакете у меня хлеб.

Они, наверное, уже забыли, когда последний раз сами его покупали. Но у нас в семье хлеб — это не просто еда. Это что-то вроде наследства. Бабушка с дедом привили этот культ всем. Хлеб должен быть дома всегда. Пусть лежит лишний. Пусть черствеет. Пусть его уже никто не ест. Но если хлеба нет — будто и дома нет.

В последнее время у мамы появилось новое развлечение: она кормит голубей из окна.

Отец от этого бесится. И я его понимаю. Эти пернатые твари засрали уже весь подоконник, весь откос, все под окном. Мама, правда, называет их ангелами. Говорит, что кор-

мит не голубей, а души. Отец на это только фыркает и зовет их пернатыми крысами. Я, если честно, с ним согласен.

Когда я открыл дверь своими ключами, мама крикнула из комнаты:

— Сем, ты?

— Я, мам.

— Заходи, чего встал.

Она сидела в зале в очках и смотрела телевизор. Когда увидела меня, очки сняла, поднялась с дивана и поковыляла навстречу на своих больных ногах — осторожно, будто пол был скользкий.

— Чем занимаетесь? — спросил я.

— Чем-чем. Как обычно. Телек смотрим. Что нам еще делать.

Я обнял ее. Она была теплая, маленькая и уже как будто усохшая от возраста.

Отец с дивана не встал. Даже головы толком не повернул. Только, когда я подошел, протянул руку — большую, сухую, до сих пор крепкую. Пожал. Не глядя. Как будто между нами всегда должно оставаться хоть полметра воздуха.

— Как ты? Как Пашка, Ксюша? — спросила мама.

— А что с ними будет. Все нормально.

Я выложил хлеб на стол.

— Уральский, — сказала мама и сразу как-то притихла.
— Лешин любимый.

— Не начинай, мам, — сказал я устало. — Это и мой лю-

бимый. И бати.

— Но Леша сильнее любил.

Вот это у нее стало в последнее время часто. Любая вещь, любой запах, любая мелочь — и сразу к Леше. Как будто у нас дома теперь все поделено на две категории: то, что было до его смерти, и то, что про него напоминает.

Я уже знал, что дальше она обязательно спросит про Варю.

— Как там Варя?

— Нормально.

— Не ругаетесь?

— Мам, ничего не изменилось. Все в порядке.

И тут же, как по заведенной пластинке:

— Ой, я не лезу, не лезу. С Лешенькой влезла — и все пошло по наклонной. К вам я не лезу. Разбирайтесь сами.

Иногда мне как раз и хотелось бы, чтобы кто-то влез. Не в смысле скандал устроил или Варе выговор сделал. А просто сказал что-то внятное. Дал совет. Подтолкнул. Хоть кто-то снаружи подтвердил бы, что это не норма, не жизнь, не «у всех так». Но после того, что случилось с Лехой, в нашей семье на советы наложили запрет.

Леха был старший. Красивее меня, выше, крепче, веселее. И влюбился в свою Настю так, как ни в кого не влюблялись. А может, просто тогда любили по-другому — с надрывом. Она им крутила как хотела, а он только сильнее старался. Вкалывал на литейке в две смены, чтобы у нее все было: на-

ряды, телефоны, ремонты, подарки. Все видели, что она хвостом крутит по сторонам. Все, кроме него.

Пока мама не влезла.

Сначала сказала осторожно, потом прямо. Про мужиков, про измены, про то, что ребенок, может, и не его вовсе. Скандал был страшный. Настя ушла. Сына забрала с собой. А Леху как будто вынули изнутри. Он ходил, пил, молчал. Потом опять пил. Мама его «лечила» по-своему: говорила, что и слава богу, что баба эта ушла; что мальчишка не наш, не Масловых породы, не похож ни на кого. Как будто если чужую кровь назвать чужой, то станет не так больно.

Не стало.

Он напился, сел за руль и на скорости под двести влетел в столб.

С тех пор у нас в семье никто никому ничего не советует. Мама при каждом удобном случае повторяет, что больше ни в чью семью не полезет. Как будто если молчать, то и беды не случится.

Отец после смерти Лехи и до того был неразговорчивый, а стал совсем скупой на слова. Он теперь больше смотрит, чем говорит. И за него почти всегда говорит взгляд. А взгляд у него один — тяжелый, оценивающий, как будто ты что-то сделал не так еще до того, как вообще вошел в комнату. Если все хорошо, он никак это не показывает. Ни словом, ни лицом. А если что не так — и говорить особо не надо, достаточно его молчания.

Я всегда с ним осторожничал.

С отцом мне было труднее, чем с мамой. Мама хоть тревожная, хоть душная, хоть со своим вечным «ой, не лезу», но она живая, теплая. А отец — как судья, который никогда не объявляет приговор вслух, но ты и так его знаешь заранее.

Он долго молчал, смотрел в телевизор, потом вдруг сказал:

— Я сегодня Пашу видел.

Я сразу напрягся.

— С ним все в порядке?

— А что ты у него сам не спросил? — удивился я.

Отец наконец повернул голову.

— Как я у него спрошу? Я у стекляшки шел, а он через дорогу стоял. Отряхивался.

Я замолчал.

Что именно он вкладывал в это свое «отряхивался», он, конечно, не пояснил. После драки? После земли? После чего-то еще? У отца все слова были как недописанная записка: половину скажет, вторую оставит тебе самому дожевывать.

— Да не, — сказал я после паузы. — Все нормально.

Он отвернулся обратно к телевизору.

Вот в этом он весь. Скажет кусок — и ходи потом весь день, думай: что он имел в виду? Просто факт? Осуждение? Предупреждение? Намек? Бесило меня это всегда. Как будто даже тревога у него выражается через недоговоренность.

Мама тем временем уже пошла по другой своей линии:

— Варя тебе на смену положила что-нибудь поесть?

— Мам, я всю жизнь сам себе готовлю. Ты же знаешь.

— Вот не понимаю я этого, — вздохнула она. — Как это можно — женщине не уметь готовить.

— Мне иногда проще самому сделать, чем ждать, когда у нее настроение появится. Да и готовить она не особо умеет.

— Так ты бы... — начала мама и тут же осеклась. — Ой, молчу. Молчу. Разбирайтесь сами. Если тебе так нравится жить, то живи. Я не лезу.

— Сегодня булгур с грудкой взял. И салат.

— Крупы бы ты поменьше ел, — тут же сказала она, оглядывая меня. — А то на своих булках попу вон отрастил. В джинсы, наверное, уже еле влезаешь.

— С витаминным салатом, — уточнил я.

Она фыркнула.

А ведь и правда — джинсы у меня уже на ляжках начали подтираться. Еще немного, и треснут. Надо покупать новые. Только вот как просить на это деньги у Вари, я не знаю. Точнее, знаю, но не хочу. Начнется обычное: что я мало зарабатываю, что на меня вечно одни расходы, что можно пока и в старых походить, что детям нужнее, что сейчас не до этого.

Иногда проще доносить вещь до полного сноса, чем вступать в разговор о деньгах.

Наверное, поэтому я и курить бросил. Не из-за здоровья. И не из силы воли. Просто устал клянчить свои же деньги на свои же сигареты.

Часть 2. Брожение

Глава 6

Если бы можно было все время работать в ночь, я бы, наверное, так и жил.

Не только потому, что ночью начальство реже шастает. Хотя и поэтому тоже. Просто ночью люди как будто попроще делаются. Тише. Особенно к утру. Под утро все уже выдыхаются, даже злиться начинают ленивее. Нет этой дневной суеты, когда каждый думает, что ему после смены еще куда-то надо успеть: в магазин, домой, к детям, к любовнику, на рынок, на пьянку, не знаю куда еще. А ночью у всех задача одна — дожить до конца и лечь спать.

Да, в ночь обязательно кто-нибудь где-нибудь загасится. Найдет теплый угол, приткнется за ящиками или в подсобке и спит по очереди. Я все эти места давно знаю. Но если работа идет, то иной раз и не хочется никого будить. Зачем ломать механизм, который и так кое-как, но работает.

Поэтому, когда вечером в цеху появился Лев Абрамович, меня прямо передернуло. От одного его вида внутри всегда что-то неприятно сжималось. Как будто сейчас или глаз задергается, или желудок вспомнит, что ему тоже плохо живется.

Я терпеть не мог его манеру разговаривать. Он не орал, не матерился, не кидался ничем. Было бы даже легче, если бы орал. Нет. Он умел хуже — долго, ровно, монотонно выносить тебе мозг, как будто не с человеком говорит, а инструкцию вслух зачитывает. Через пять минут его речи хотелось самому приложиться лбом о стену, лишь бы это прекратилось. Но ты, конечно, стоишь и слушаешь.

— Семен Степанович, познакомьтесь, — сказал он, подводя ко мне девушку в белом халате. — Это Анна Николаевна, технолог. Анна Николаевна, это Маслов Семен Степанович, мастер четвертой смены, под чьим контролем пройдет процесс разработки нового изделия. Ваша задача, Семен Степанович, оказывать практическое содействие по мере необходимости, а также обеспечить списание продукции, затраченной на разработку. Я надеюсь, что к утру получу экспериментальный образец нового торта.

Я всегда в такие моменты думаю: почему нельзя короче? Не «оказывать практическое содействие», а просто — поможешь. Не «экспериментальный образец изделия», а торт.

Но, видимо, некоторым людям кажется, что чем длиннее фраза, тем важнее они сами.

Пока он говорил, я уже начал отключаться. Не специально. Просто у меня так всегда с Львом Абрамовичем: он бубнит, а мои мысли уже в стороне стоят и смотрят на него, как на старый холодильник.

— Мне бы очень не хотелось, Семен Степанович, чтобы

завтра утром выяснилось, что сказанное мною было воспринято вами в общем и целом, в приблизительном порядке или, как это у нас часто бывает, «по смыслу». Здесь не требуется понимать по смыслу. Здесь требуется услышать, запомнить и исполнить. Задача ясна?

— Да.

— Прекрасно. Тогда завтра с утра у нас будет возможность убедиться, насколько ваша сегодняшняя внимательность соответствовала вашему же ответу.

И пошел взглядом по цеху. Моя смена сразу вся подобралась. Даже те, кто минуту назад стоял вразвалку и чесал языком, тут же сделали лица, будто с детства только и мечтали соблюдать технику безопасности и технологическую дисциплину.

Когда он отошел чуть в сторону, девушка вдруг тихо спросила:

— Как вы думаете, Лев Абрамович кидается тортами? Мне делать помягче или карамель убрать?

Я машинально ответил серьезно:

— Я бы убрал. С ней мороки много. И ложится неровно. И десну можно поранить...

Она засмеялась.

— Я пошутила. Аня.

И протянула руку.

Я растерялся.

Не то чтобы мне женщины никогда не жали руку. Но в тот

момент я вдруг очень ясно понял, что не могу вспомнить, когда вообще в последний раз дотрагивался до женщины просто так. Без быта. Без обязательства. Без этой супружеской неловкости, когда ты вроде рядом с человеком, а как будто уже нет. Я пожал ей руку осторожно, почти невесомо, будто боялся сделать больно.

— Семен Степанович, — сказал я.

А потом зачем-то добавил:

— Сегодня можно просто Семен.

— А завтра у вас будет другое имя? — улыбнулась она.

— Завтра, при Льве Абрамовиче, вы будете называть меня Семен Степанович, — сказал я с таким серьезным лицом, что сам не понял, шучу я или нет.

Вообще-то это была и не совсем шутка. Я правда не помню, чтобы при Льве Абрамовиче кто-то кого-то называл просто по имени. Как будто без отчества человек сразу становился недостаточно официальным. А значит, как бы и не совсем существующим.

— Семен, покажете мне рабочее место? — спросила Аня.

И тут же, конечно, голова у меня пошла своим дурным путем. Молодая совсем девушка зовет меня просто по имени, а вокруг мои тетки, которые все как одна — «Семен Степаныч». И я уже успел представить, как Любовь Викторовна это слышит, потом переглядывается со Светланой Николаевной, и дальше по цеху идет шепоток: ага, уже и по имени его называют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.